

* * *

Автором обложки является талантливый китайский художник-самоучка Шуай Лю, с детства прикованный к инвалидному креслу. Шуай Лю рисует в основных техниках традиционной китайской живописи и остается единственной опорой для своих родителей после того, как в автомобильной аварии погиб его старший брат.

В несомненном бестселлере Хиро Арикавы выведен кот, у которого есть сердце; он знает, что такое верность и благодарность, и никогда не покинет своего любимого хозяина.

Guardian

Любой, у кого когда-нибудь был кот, будет тронут этим волнующим путешествием.

Guardian

В романе есть теплота, акварельность и нежность... — испытываешь наслаждение от чтения.

Financial Times

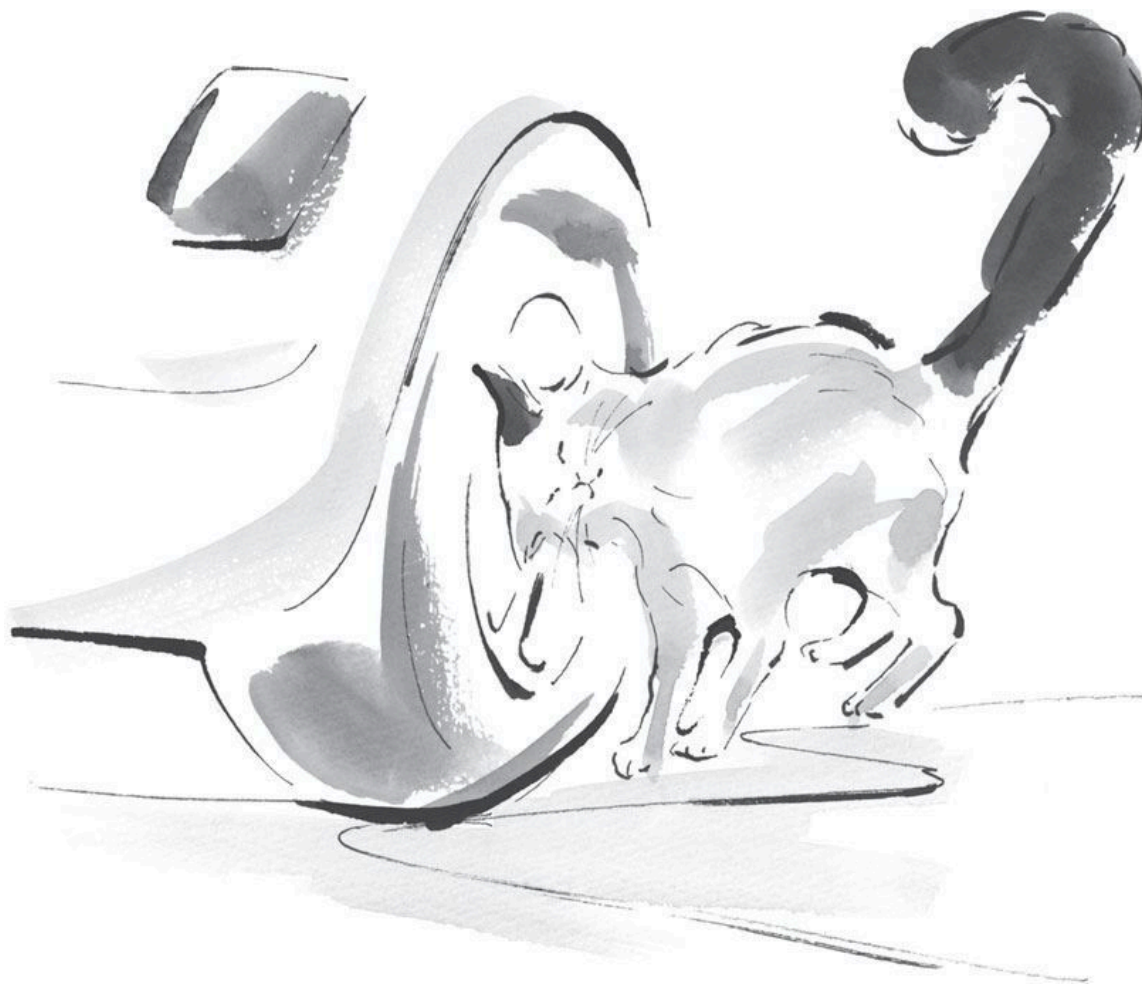
Арикава обладает легким пером, которое возносит эту историю до притчи о верности и дружбе и одновременно напоминает об одной из важнейших человеческих потребностей — потребности в дружеском общении.

Irish Times

Проворный, забавный и ласковый... Арикава действительно знает кошек, насколько человек вообще может их постичь.

Time

Пролог. Наша жизнь до первого странствия

Позвольте представиться: я – кот, просто кот, у меня еще нет имени. Эта фраза принадлежит некоему прославленному коту, он вроде тоже живет в Японии^[1]. Не могу сказать, насколько он знаменит, но по части имени я, пожалуй, дам ему фору. У меня-то имечко уже есть.

Другое дело, нравится мне оно или нет... Ну, хотя бы уже потому, что оно совсем не подходит такому отчаянному храбрецу, как я. Мне его дали лет пять назад, я тогда как раз превратился из котенка в кота и достиг совершеннолетия.

Есть разные точки зрения, как считать возраст у кошек, но все, в общем, сходятся на двадцати.

В тот период я облюбовал себе один серебристый фургончик, который хозяин оставлял на парковке у многоквартирного дома, и постоянно дрых на его капоте. Почему именно там? Да потому, что никто не гонял меня и не орал «Брысь, брысь отсюда!». Люди слишком много мнят о себе, хотя, в сущности, это большие обезьяны, которые научились ходить на двух конечностях. Они запросто могут оставить машину под дождем или снегом, но стоит им увидеть на ней следы кошачьих лап... о-о, тут такой поднимается крик!.. Хотя коты имеют полное право гулять там, где им вздумается, – это закон Высшей справедливости. Но если наследить на капоте, эти двуногие придут в ярость и обязательно сгонят тебя оттуда.

Как бы то ни было, мне весьма понравился этот серебристый фургон. Даже зимой солнце нагревало его и на нем было так приятно вздремнуть, особенно днем.

Наконец наступила весна, а значит, я благополучно пережил год. Родиться весной – большая удача для котов. Наше любимое время года – весна и осень, но родившиеся осенью котята редко переживают зиму.

И вот однажды, когда я дремал на капоте, свернувшись клубочком, я вдруг почувствовал на себе чей-то прямо-таки обжигающий взгляд. Приоткрыв глаза, я увидел прямо перед собой молодого долговязого парня. Он, как зачарованный, смотрел на меня, немного прищурившись.

– Ты всегда тут спишь? – спросил он.

Ну, положим. А в чем, собственно, дело?

– А ты красавец...

Да. Мне часто это говорят.

– Можно тебя погладить?

Нет уж, увольте, спасибо!

Я угрожающе поднял переднюю лапу и зашипел.

Парень разочарованно скривил губы.

Интересно, а тебе самому-то понравилось бы, разбуди тебя кто да вдобавок облапай с головы до хвоста?

– Значит, просто так тебя гладить нельзя...

Догадливый, быстро соображаешь! А то пришел, разбудил – и ничего взамен? Нет, так не пойдет.

Услышав шорох, я живо приподнял голову – парень рылся в пакете, явно купленном в местном комбине^[2].

– Вообще-то, эта еда не очень годится для кошек...

Да мне все сгодится! Бродячим котам не пристало воротить морду от угощения. Вон тот вяленый гребешок, ммм... выглядит очень недурно.

Я принялся к упаковке, торчавшей из пакета. Но парень легонько щелкнул меня по лбу. Мол, не спеши, приятель.

– Это вредно для котов. Слишком остро.

Вредно, говоришь? Да уличному коту, который не знает, что будет с ним завтра, начхать на здоровье! Куда важнее набить брюхо прямо сейчас.

Парень извлек из сэндвича котлету, соскреб с нее соус и протянул ее на ладони.

Что же, прикажешь жрать прямо с руки?! Решил, меня можно так легко приманить? Но с другой стороны... не настолько уж часто котам перепадает настоящее мяско... ах, какое аппетитное! Ладно, согласен, пусть будет с руки.

Пока я с жадностью заглатывал котлету, парень осторожно чесал меня за ухом. Он делал это очень нежно. Вообще, я всегда позволяю гладить себя тому, кто меня кормит, но... этот парень – он был явно мастак в этом деле.

Если ты дашь мне еще кусочек, то можешь пощекотать меня под подбородком, так уж и быть.

Я потерялся мордой о его руку.

– На, держи!

Парень с улыбкой вытащил из сэндвича вторую котлету и, очистив от соуса, протянул мне.

Ну зачем ты его счищаешь? Я вовсе не против соуса. С соусом оно даже сытнее.

Я позволил себя погладить в благодарность за угощение... но нужно и совесть знать! Я было собрался угрожающе поднять лапу, как парень сам убрал руку и пошел прочь, бросив мне на прощание:

– Еще увидимся!

Я наблюдал за ним, пока он поднимался по лестнице к двери дома. Этот парень отлично чувствует настроение.

Так состоялась наша первая встреча. А имя он мне придумал потом, но это уже отдельная тема.

После того случая я каждую ночь обнаруживал под серебристым фургончиком сухой кошачий корм. Прямо у заднего колеса. Примерно пригоршню – как раз подходящая порция для кота. Парень появлялся всякий раз внезапно. Если я был на месте, то разрешал ему погладить себя в знак благодарности, если же где-то рыскал, то он оставлял мне еду и уходил несолоно хлебавши.

Порой мой корм успевали сожрать другие коты, а иногда парень не возвращался на ночь домой, и я напрасно ждал, что он вынесет мне еду, до самого утра – и так и оставался голодным, но, как правило, я мог рассчитывать на одну хорошую кормежку в сутки. И все же люди – такие непостоянные существа. Как я мог всецело рассчитывать на щедрость этого парня? Вольная кошачья жизнь – целое искусство выживания, когда нужно учитывать самые непредвиденные ситуации...

Так мы и жили – не сближаясь особо, но и не теряя друг друга из виду, как обыкновенные знакомые. На некотором расстоянии. И только жизнь вошла в эту привычную колею, как вмешалась сама судьба, в корне изменившая наши отношения.

И это было чудовищно больно!..

Когда однажды ночью я перебежал дорогу, меня ослепили фары откуда-то вывернувшей машины. Раздался пронзительный гудок. Я попытался отскочить. Тут-то все и случилось. Мне не хватило какой-то доли секунды, и машина накрыла меня. Страшный удар отшвырнул меня в сторону, я даже не понял, что произошло. Очнулся в придорожных кустах. От чудовищной боли я взвыл, однако я был жив. И все же что-то было очень неладно. Я попытался привстать, но боль пронзила меня с новой силой.

А-а-а! Как больно, как же мне больно!!! Что с моей задней лапой? Какая жуткая боль! Я изогнулся, чтоб дотянуться до лапы илизать рану. Но... о ужас! Из шерсти торчала кость.

Даже самый ужасный укус или порез я бы смог залечить, но это... это было за гранью возможного. Торчавшая наружу кость словно вобрала в себя все муки ада. Это было просто невыносимо!

Что делать? Что же мне делать?! Помогите, ну кто-нибудь...

Ну и чушь я несу. Кто станет помогать уличному коту? И тут я вдруг вспомнил про того долговязого парня, который каждую ночь приходил на парковку насыпать мне корму. *Он* точно поможет! Почему я решил, что он непременно поможет? Ведь мы не были друзьями, – в благодарность за его приношения я только изредка позволял себя гладить, и все.

И тем не менее я потащился к нему, волоча перебитую заднюю ногу с выпирающей костью.

Несколько раз лапы отказывались повиноваться от обжигающей боли, которая разливалась по всему моему телу. Все... больше нет сил... но еще шаг... еще один шаг...

В сущности, я был не так уж и далеко от того дома, где жил парень, однако дополз до серебристого фургончика лишь под утро, когда небо уже начинало светлеть.

Все. Силы иссякли. Мне конец. Теперь уже точно.

И я завыл – завыл что было мочи.

А-а-а!!! А-а-а-а!!! Как же мне бо-о-ольно!!!

Я орал и орал – пока совсем не обессилел. Мне было больно даже кричать. И тут я услышал шаги – кто-то спускался по лестнице. Я приподнял морду – да, это был он, тот долговязый парень.

– Я так и решил, что это ты! – Посмотрев на меня, парень переменился в лице. – Что случилось? Ты попал под машину? Больно, да? Ну конечно же больно.

Ну, хватит глупых вопросов, а то я разозлюсь! Пожалел бы израненного кота.

– Ты так истошно кричал, что я даже проснулся. Ты меня звал?!

Тебя, тебя, ну кого же еще! Только ты не очень-то торопился...

– И ты решил, что я тебе помогу? Да?

Ну-у, может, и так... угадал.

Тут парень зашмыгал носом. Что такое... Он плачет?

– Ты настоящий молодец, что вспомнил обо мне! Я тобой горжусь!

Коты не плачут, как люди. Но кажется, я понимал, почему он льет слезы. Я вспомнил именно о нем, когда понял, что мне конец. Все сложилось так скверно... но может, хоть тут повезет?

Так ты поможешь мне или нет? Мне больно, как же мне больно... уже нет мочи терпеть!

Меня охватил панический страх. Что со мной будет?

– Ну потерпи, потерпи. Все будет хорошо!

Парень бережно уложил меня в картонную коробку, в которую постелил мягкое полотенце, поставил коробку на сиденье серебристого фургона. И повез меня в ветеринарную клинику.

Там был ад, сущий ад, это останется моим самым страшным воспоминанием, поэтому я опушу подробности. Мало кто возжелает попасть в это место вторично, ну а уж я...

Кончилось тем, что я поселился у парня – до тех пор, пока не срастется кость.

Он жил один, квартирka чистенькая, нигде ни пылинки. Лоток для моих «дел» он поставил в ванной комнате. А в кухне – миски для еды и воды.

Хоть я и уличный кот, я очень умный и знаю, как себя вести. Я сразу же научился пользоваться лотком – стоило только раз показать. Не было случая, чтобы я наделал мимо или где попало. И я не точил когти там, где нельзя. Стены и двери однозначно были под запретом, поэтому я отрывался на мебели и ковре. Во всяком случае, парень прямо не говорил, что мебель и ковер драть нельзя. (Вообще-то, поначалу он взирал на мои выкрутасы с несчастным видом, но я ловлю все на лету – так вот, на мебель и ковер не было *абсолютного табу*, у меня нюх на такие вещи.)

Прошло, наверное, месяца два, пока кость срослась и с лапы сняли швы. За это время я выяснил имя парня. Сатору Мияваки. Меня Сатору пока никак не называл – только «ты», «кот» или даже «господин кот», если ему в какой-то определенный момент так хотелось. У меня никогда не было имени, поэтому я не обижался. И даже будь у меня имя, я не смог бы сказать об этом Сатору, ведь он не владеет кошачьим языком. Люди понимают только человеческий язык, с ними сложно общаться. А вы в курсе, что животные более развиты в этом плане? Они понимают речь многих существ.

Когда я попытался выйти за дверь, Сатору хмурился и с озабоченным видом принимался увещевать меня:

– Если ты уйдешь, ты можешь и не вернуться, верно? Ну подожди, пока окончательно не поправишься! Ты же не хочешь бегать всю оставшуюся жизнь со швами?

К тому времени я уже мог кое-как передвигаться, хотя лапа все еще болела. Но Сатору делал такое расстроенное лицо, что я решил воздержаться от прогулок на ближайшие месяца два. В самом деле, как я буду драться с другими котами, если еще приволакиваю заднюю лапу?

И вот наконец раны мои зажили окончательно. Я подошел к двери и мяукнул.

Выпусти меня! Спасибо тебе за все, вовек благодарен. Отныне можешь гладить меня просто так, без угощения. На капоте своего серебристого фургончика.

Что такое? Лицо Сатору приняло даже не озабоченное, а прямо-таки страдальческое выражение. Примерно как в случае с мебелью и ковром. Не то чтобы совсем нельзя. Но... Весьма сходные чувства.

– Ты предпочитаешь жить на улице?

Послушай, не надо, у тебя такой вид, будто сейчас заплачешь. А то и мне станет грустно оттого, что я ухожу.

– Я-то думал, ты будешь жить у меня... И станешь моим котом! – выпалил вдруг Сатору.

Эй, это нечестный прием! Я до мозга костей свободный кот, мысль стать домашним любимцем мне даже в голову не приходила. Я жил у тебя, пока заживала лапа, но теперь она в порядке, и я собираюсь уйти! Нет, не совсем так – я думал, что обязан уйти! А если обязан, то лучше удалиться достойно, не дожидаясь, пока вышвырнут вон. Коты – очень гордые существа. Если ты хочешь, чтобы я остался с тобой, так скажи мне об этом – и поскорее!

Сатору нехотя отворил дверь, и я выскользнул наружу. Потом обернулся, посмотрел на Сатору и мяукнул.

Пойдем со мной!

Сатору, похоже, понял, что я сказал. Для человека у него хорошая интуиция, он понимает, что я ему говорю. Сатору бросил на меня озадаченный взгляд, но все же вышел следом.

Ночь была светлая, яркая луна освещала притихший, совершенно безмолвный город. Я вскочил на капот серебристого фургона, чтобы удостовериться, что могу прыгать, как прежде, потом соскочил вниз и стал с наслаждением кататься по земле. Рядом проехала машина, и хвост у меня непроизвольно взлетел вверх. Страх попасть под колеса

поселился во мне навсегда. Невольно я кинулся в ноги Сатору. Он смотрел на меня с ласковой улыбкой.

Мы обошли вокруг дома, потом я направился к подъезду. Перед дверью Сатору, на площадке второго этажа, я снова мяукнул.

Открывай!

Я взглянул на Сатору. Он улыбался, но глаза были полны слез.

– Ты вернулся ко мне? Да?

Да, да! Ну открывай же скорее!

– Так ты согласен быть *моим* котом?

Да. Только иногда выпускай меня погулять, хорошо?

Так я стал жить у Сатору.

– В детстве у меня был кот, точная копия тебя! – Сатору извлек из шкафа какой-то большой альбом. – Вот! Гляди!

Альбом был битком набит фотографиями одного и того же кота. Я знаю, как называют таких людей: «чокнутые кошатники». Однако кот на снимках действительно сильно смахивал на меня. Целиком белый, только на мордочке цветные отметины. Две полосы на морде и еще черный хвост крючком. Изгиб хвоста немного другой, а вот пятнышки на морде у нас с тем котом одинаковые. Точь-в-точь.

– Полоски на мордочке у него были домиком, как иероглиф «хати»^[3] – «восемь», поэтому я дал ему имя Хати.

Фу, до чего неоригинально. Дурацкое имя. Интересно, а мне он что подберет? Вопрос имени начинал смутно тревожить меня. За восьмеркой идет девятка – «ку».

– А как тебе имя Нана?

О-о-о, мы решили заняться вычитанием? И остановились на цифре семь?^[4] Довольно непредвиденный поворот...

– У тебя загогулина в другую сторону, не так, как у Хати, и если смотреть сверху, то похоже на цифру семь, то есть «нана».

А, это он сейчас про мой хвост... Постой, постой! Нана – это ведь совершенно девчачье имя, разве не так? Я бесстрашный, закаленный в схватках кот. Какая еще Нана?!

– Точно, пусть будет Нана! Отличное имя! Семерка – счастливое число...

Что он несет?!

Я недовольно мяукнул, но Сатору, прикрыв глаза, пощекотал меня под подбородком.

– Тебе тоже понравилось, да?

Не-е-ет!!! Я же сказал!

Но тут я невольно замурлыкал. Это не по правилам – гладить меня в такой момент!

– Я вижу, что тебе понравилось...

Не-е-ет...

Я прозевал шанс исправить ошибку (ну что я мог поделаться, если Сатору гладил меня не переставая). Так я получил имя Нана.

– Нам с тобой придется переехать на другую квартиру.

В доме, где жил Сатору, не разрешалось держать животных, но он уговорил арендодателя сделать исключение для меня – на то время, пока заживала моя лапа. Потом мы с Сатору перебрались на другую квартиру, в том же квартале. Устроить себе эдакую головную боль с переездом – и все ради какого-то кота... Может, мне не стоило этого говорить, тем более что я сам кот... только ведь и правда, Сатору – законченный кошатник!

Так началась наша совместная жизнь. Сатору был идеальным соседом, но ведь и я идеальный кот для совместного проживания! И мы душа в душу прожили целых пять лет.

* * *

За это время я вырос и заматерел. Сатору тоже вошел в возраст – ему было уже немного за тридцать, самый расцвет жизни.

– Прости меня, Нана... – Сатору виновато погладил меня по голове.

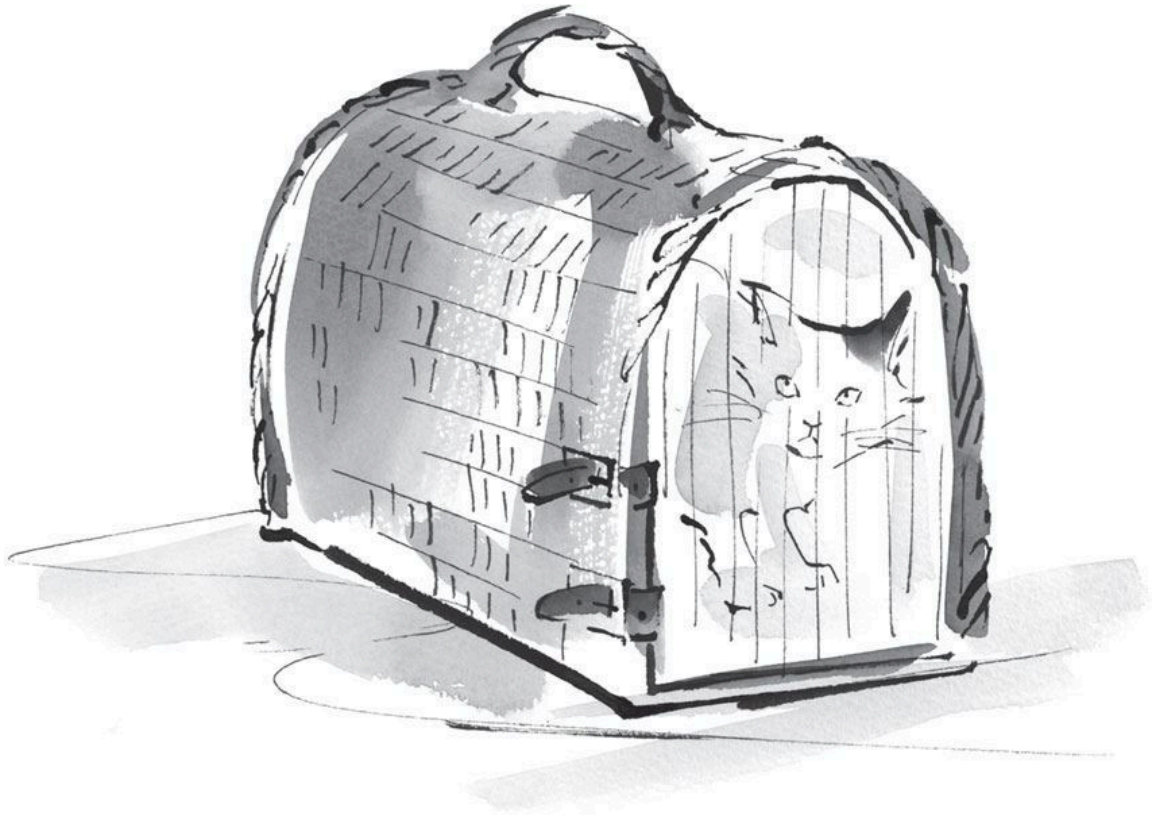
За что? Все нормально!

– Мне очень жаль, что все так сложилось...

Не надо ничего объяснять. Я все схватываю на лету.

– Я не хочу расставаться с тобой...

Хроника первая Коскэ

«Прости за долгое молчание...»

Так начиналось письмо, пришедшее на электронную почту Коскэ. Письмо было от Сатору Мияваки, друга детства, который переехал в другой город еще в начальной школе. Он потом не раз переезжал с места на место, но они с Коскэ никогда не теряли друг друга из виду. Даже теперь, когда обоим было за тридцать, они поддерживали дружеские отношения. Сатору и Коскэ могли не видеться много лет, но при встрече начинали болтать, как будто расстались вчера.

«Извини, что обращаюсь к тебе с неожиданной просьбой. Ты не мог бы взять к себе моего кота?»

Далее следовало объяснение: это его обожаемый кот, но в связи с безвыходной ситуацией Сатору больше не может держать его и ищет, кому бы пристроить.

Что за «безвыходная ситуация», Сатору не уточнял.

В письмо были вложены две фотографии кота с пятнышками на лбу в форме иероглифа «хати».

– Да это же вылитый Хати! – не удержался от восклицания Коскэ.

В самом деле, кот на фото был как две капли воды похож на того котенка, которого они с Сатору нашли в тот далекий памятный день. Коскэ прокрутил письмо до второго фото – на нем крупным планом был запечатлен задранный кверху кошачий хвост. Черный хвост, изогнутый в форме семерки. Говорят, коты с такими хвостами приносят удачу. Кто же это сказал? Ах да... Коскэ вздохнул. Это ему говорила жена. Но сейчас жена вернулась к родителям. И неизвестно, когда она снова приедет к Коскэ. Он терзался смутными подозрениями, что уже никогда.

Ему в голову вдруг пришла нелепая мысль, что все могло сложиться иначе, если бы у них жил кот вот с таким «счастливым» хвостом. Бродил бы по дому, собирая своим крючковатым хвостом кусочки хрупкого счастья, – и как знать, возможно, они с женой смогли бы построить простые, бесхитростные отношения... даже при отсутствии ребенка.

«Это было бы весьма кстати – взять к себе кота Сатору», – подумал Коскэ. Кот на фото очень хорош, настоящий красавец, – вылитый Хати. И хвост у него тоже крючком. Да и с Сатору они уже сто лет не виделись.

«Друг попросил меня взять его кота, как ты на это смотришь?» – написал Коскэ жене. Жена ответила: «Делай, как тебе угодно». Весьма нелюбезно. Но это уже достижение, до этого она вообще игнорировала его письма. Если взять кота Сатору, может, она не утерпит и придет посмотреть на него? Жена обожает кошек. А если еще поплакаться, что кота-то он взял, но не знает, чем кормить и все такое, то, может, она и вернется – из сострадания к коту?

Нет. Ничего не выйдет. Отец не выносит кошек. Коскэ поймал себя на мысли, что с привычным страхом ждет вспышки отцовского гнева, и с досады даже языком прищелкнул.

Как раз это и переполнило чашу терпения жены. Ведь сейчас не отец, а сам Коскэ – владелец студии, и его не должно заботить отцовское настроение. Не должно заботить, однако заботит.

Возможно, инстинктивный протест против диктата отца и подвигнул Коскэ согласиться на то, чтобы взять кота у лучшего друга

детства.

Сатору приехал на следующей неделе, когда у Коскэ был выходной. И привез с собой своего обожаемого кота.

Заслышав звук мотора, Коскэ вышел на улицу – серебристый фургон Сатору как раз выруливал на стоянку студии.

– Коскэ! Сколько лет, сколько зим! – Сатору оторвал руку от руля и помахал Коскэ.

– Давай паркуйся быстрее! – с невеселой улыбкой ответил Коскэ.

Они не виделись целых три года. Он был очень рад приезду Сатору. Тот ничуть не изменился, остался таким же, как в детстве.

– Надо было прямо тут парковаться, здесь ведь проще.

На стоянке перед студией было три места для машин клиентов, но Сатору выбрал место рядом со входом в дом, где были навалены коробки и прочий хлам.

– А вдруг клиенты приедут? Неудобно получится.

– Сегодня выходной. Ты забыл?

Среда была в студии нерабочим днем. Коскэ приглашал Сатору в субботу или воскресенье, когда в фирме Сатору выходные дни, но Сатору настоял на среде, мол, неловко, ведь он будет с котом.

Сатору кивнул, вылез из машины и достал переноску с заднего сиденья.

– Это и есть Нана?

– Да. Я же посылал тебе фотографии. Хвост у него похож на семерку. Подходящее имя, правда?

– Ты всегда выбираешь странные имена. Прежде был Хати...

Они прошли в дом. Однако, когда Коскэ захотел рассмотреть Нана поближе, тот угрожающе заворчал и не пожелал выбираться из переноски. Коскэ заглянул в переноску, но увидел только черный хвост крючком и белый пушистый зад.

– Нана... Нана-тян^[5], что с тобой? – растерялся Сатору.

Он сам попытался вытащить кота, но и у него ничего не вышло.

– Извини. Незнакомый дом, Нана, видимо, нервничает. Подождем, пока не успокоится...

Они поставили переноску на пол, открыв дверцу, и принялись вспоминать школьное прошлое.

– Ты за рулем, поэтому тебе нельзя алкоголь. Что будешь – кофе или чай?

– Давай кофе.

Коскэ сделал две чашки кофе. Сатору взял свою и как бы невзначай поинтересовался:

– А где супруга?

Коскэ хотел увильнуть от ответа, но не нашел что сказать.

– Она вернулась к родителям, – после неловкой паузы выдавил он.

– О-о... вот как?

На лице Сатору отразилась целая гамма чувств: «Извини, дружище. Я не хотел... не хотел сделать тебе больно, но я же не знал».

– И... а ты разве можешь сам решать вопрос насчет кота? Вы не поругаетесь потом, когда она вернется?

– Она любит кошек. Может быть, она скорее вернется, если я возьму кота.

– У людей разные вкусы.

– Я переслал ей те фото с Нана. Она сказала: «Делай, как тебе угодно».

– То есть ее согласия ты не получил.

– Она разрешила поступать, как мне угодно. И вообще, это первый раз за все время, когда она ответила мне, – потому что дело касалось кота.

«Может, она скорее вернется, если я возьму кота» – это, конечно, была шутка, однако в глубине души Коскэ надеялся именно на такой поворот событий.

– Она никогда не выгонит кошку из дома. Если вернется. А не вернется, я сам буду заботиться о Нана. Какие проблемы.

– Понятно, – протянул Сатору, закрывая тему.

Теперь была очередь Коскэ задавать вопросы.

– Ты мне лучше скажи, почему ты больше не можешь держать Нана?

– Ну... как тебе объяснить. – Сатору с неловким смешком почесал голову. – Возникли некоторые обстоятельства, и мы не сможем теперь жить вместе.

Что-то щелкнуло в голове у Коскэ. Тут что-то не так, он почувствовал это еще тогда, когда они договаривались о встрече.

Сатору, работавший в фирме с девяти до шести, вдруг предложил подстроиться под график Коскэ и приехал в середине недели!

– Тебя уволили?

– Ну... нет, дело в том, что теперь у меня не получится держать его у себя.

Сатору явно уходил от ответа, и Коскэ не стал насеждать.

– Во всяком случае, мне нужно пристроить Нана в хорошие руки. Я уже пробовал договориться с парой близких друзей...

– Вот как... Да, это не так легко.

Коскэ еще больше захотелось взять к себе Нана. Акт милосердия! Нужно помочь человеку, тем более Сатору.

– Ну а ты-то как? Какие планы на жизнь? И вообще...

– Спасибо, что спросил. Если я пристрою Нана, со мной все будет превосходно.

Коскэ почувствовал, что дальше заходить не стоит. Это будет слишком назойливо. Он уже дал понять: если нужно чем-то помочь, пусть Сатору только скажет.

– Знаешь, я прямо обалдел, когда получил фото. Это же вылитый Хати!

– Когда ты увидишь его воочию, ты еще больше удивишься.

Сатору обернулся на переноску, стоявшую у него за спиной. Нана и не думал высовывать нос.

– Когда я впервые встретил его, я тоже был потрясен. На мгновение подумал, что это и в самом деле Хати.

Такого, разумеется, быть не могло, и печаль Сатору нельзя было не заметить.

– А что случилось с Хати?

– Он погиб, когда я учился в старшей школе. Его новый хозяин связался со мной. Сказал, что Хати попал под машину.

Было видно, что даже сейчас Сатору тяжело говорить об этом.

– Молодцы, что сообщили тебе.

Хорошо, когда можно погоревать о любимом коте с другом. Но в то время Сатору, наверное, рыдал в одиночку, и не один раз...

– Извини, я что-то совсем раскис.

– Ну что ты извиняешься, идиот!

Коскэ замахнулся, словно хотел легонько толкнуть Сатору, – и тот шутливо уклонился.

– Время летит так быстро, что даже не замечаешь. Кажется, это было вчера. Когда мы с тобой нашли Хати. Помнишь?

Сатору смущенно засмеялся.

* * *

Неподалеку от фотостудии семьи Савада, вверх по склону пологого холма, начинался жилой квартал. Лет тридцать назад квартал считался перспективным и модным, в нем было много красивых, словно сошедших с картинки, домов и шикарных кондоминиумов.

Семья Сатору жила как раз в одном из таких кондоминиумов. Сатору, отец и мать. Сатору и Коскэ стали вместе ходить в клуб по плаванию во втором классе начальной школы. У Коскэ в детстве была легкая форма атопического дерматита, и его привела в клуб мать, свято веровавшая в то, что вода излечивает все болезни. У Сатору были иные причины. Он плавал так быстро, что все шутили насчет перепонки у него между пальцами, и даже школьные учителя советовали ему заняться плаванием всерьез, вот он и пришел в клуб.

Озорник Сатору во время перерывов ползал по дну бассейна, как саламандра, а потом внезапно всплывал, пугая других учеников. Однажды тренер в сердцах назвал его каппой^[6], и прозвище прилипло к Сатору. А иногда тренер называл его еще перепончатопалым – в зависимости от настроения.

Поэтому Сатору всегда тренировался в группе для продвинутых, а Коскэ занимался вместе с обычными детьми, среди которых было много таких же, как он, аллергиков.

И впрямь, Сатору был необычайно хорош, когда плыл по дорожке, рассекая воду, – настоящий каппа. И хотя они с Коскэ были друзьями, в такие моменты Коскэ положительно ненавидел Сатору. Как ему хотелось быть похожим на него!

Но как-то Сатору, расшалившись не в меру, неудачно нырнул и поранил лоб о дно бассейна. После чего зависть Коскэ мгновенно растаяла... Котенка они нашли в самом начале лета.

Коскэ и Сатору уже два года вместе ходили на плавание. Обычно они встречались у подножия холма, на котором располагался их квартал, и в тот день Коскэ пришел раньше Сатору. А поэтому первый увидел коробку.

Картонная коробка стояла прямо под столбом с картой жилого массива. И мяукала. Коскэ боязливо приоткрыл крышку – и увидел два белых пушистых комочка. Только местами на них пестрели цветные пятнышки.

Коскэ взирал на котят в немом изумлении. Какие беспомощные, нежные существа! Котята были такими крошечными, что он не решился их потрогать.

– О-о! Котята! – раздался над его головой голос Сатору. – Откуда они взялись? – спросил он, сев на корточки рядом с Коскэ.

– Кто-то оставил их здесь в коробке.

– Какие хорошенькие!

Некоторое время мальчики осторожно гладили нежные пушистые комочки. Потом Сатору предложил:

– Давай возьмем их на руки?

«У тебя аллергия, не смей прикасаться ни к каким животным!» Коскэ явственно услышал сердитый окрик матери, но стоять и смотреть, как их берет на руки Сатору, было просто невыносимо. В конце концов, это он первый увидел котят!

Коскэ подsunул ладонь под котенка и вытащил его из коробки. Он был такой невесомый! Коскэ гладил бы и гладил пушистое тельце, но они опаздывали на занятия.

– Пора бежать!

– Да, пора... – уговаривали они друг друга. Потом, с трудом оторвавшись от котят, со всех ног помчались в клуб, договорившись, что вернутся сюда после занятий.

Они все-таки опоздали, за что получили от тренера по подзатыльнику.

После тренировки мальчики опрометью бросились к подножию холма. Коробка оказалась на месте, но увы! – там был только один котенок. Кто-то уже забрал второго.

У Коскэ с Сатору было такое чувство, что судьба этого оставшегося котенка в их руках. Разноцветного котенка с двумя пятнышками на мордочке в форме иероглифа «хати» и черным хвостом, загнутым крючком.

Мальчишки уселись на траву возле коробки, не отрывая глаз от свернувшегося клубочком котенка. Разве найдется ребенок, который не захочет принести домой крошечное пушистое чудо?

Но как их встретят дома? Каждый из них прекрасно понимал, что творится в голове у приятеля. Коскэ знал, что мать будет ругаться, ведь у него дерматит. Да и отец не очень-то любит животных.

Первым решился Сатору:

– Я попрошу маму!

– Это нечестно! – взорвался Коскэ.

Дело было не в котенке, а в чем-то другом – в той неприязни, что скопилась в нем на тренировках по плаванию. А тут еще девочка, которая нравилась Коскэ... Глядя на плывущего Сатору, она восхищенно воскликнула: «Как же красиво!» (Теперь-то Коскэ понимал, что та фраза относилась не к самому Сатору, а к его умению плавать, но ведь он каппа, стоило ли завидовать?)

Да, Сатору быстро плавает, у него нет дерматита, и мама с папой добрые. Если он принесет котенка домой, они примут его без возражений, это ясно как божий день. Мало того что девочка восхитилась Сатору, теперь еще и котенок ему достанется?! Вот это пушистое крошечное существо! Какая чудовищная несправедливость!

– Это нечестно! – повторил Коскэ.

Сатору даже отпрянул, будто его ударили. При виде растерянного лица приятеля Коскэ стало стыдно. Он понимал, что зря набросился на Сатору, но сдержаться не смог.

– Это я первый нашел его!

Дурацкий аргумент... Но Сатору вдруг согласился, признав вину, – как-то даже чересчур легко.

– Прости меня! Ты прав, это ты нашел котенка, значит он твой.

Понимая, что зря обидел товарища, Коскэ тем не менее сердито кивнул в ответ.

Они довольно холодно попрощались, и Коскэ удалился с коробкой в руках.

Как ни странно, его мать была совершенно не против.

– Возможно, плавание помогло, но в последнее время у тебя нет аллергических реакций. Так что если мы будем поддерживать чистоту, то все будет нормально. Когда я жила с родителями, у нас тоже был кот – и все было замечательно.

Однако отец был непреклонен.

– Какой еще кот?! Ни за что! – заорал он. И было ясно, что он не собирается менять свое мнение. – Чтобы он точил когти и драл в доме

все подряд?! Между прочим, и денег на него уйдет прорва. Я не для того день и ночь работаю, чтобы кормить каких-то котов!

Мать Коскэ пыталась урезонить его, но отец и слушать ничего не хотел. Перед ужином он велел Коскэ отнести котенка туда, где он его взял.

Едва сдерживая слезы, Коскэ потащился к подножию холма, крепко прижимая к груди коробку с котенком. Но оставить коробку у столба с картой квартала, там, где он ее нашел, – нет, это было выше его сил. И Коскэ повернул к дому Сатору, совершенно забыв о том, что они недавно так скверно расстались.

– Отец запретил мне взять его... – выговорил Коскэ, сдерживая душившие его рыдания.

– Понятно, – кивнул Сатору. – Предоставь это дело мне. У меня есть отличная идея!

Сатору ушел в дом. Коскэ терпеливо ждал под дверью, полагая, что Сатору пошел просить разрешения у мамы, однако Сатору вернулся с большой спортивной сумкой через плечо. С этой сумкой он ходил на тренировки в клуб.

– Сатору, куда это ты, с сумкой? – встревожилась мать, стряпавшая что-то на кухне. – Скоро отец вернется, ужинать будем!

– Ужинайте без меня, – отозвался Сатору, обуваясь в прихожей. – Мы с Коскэ решили сбежать из дома.

– Что? Что ты сказал?!

Мама Сатору всегда отличалась мягкостью и деликатностью. Коскэ ни разу не видел ее в таком гневе. Она жарила темпуру^[7] и не могла оторваться – только на секунду выглянула из кухни.

– Ко-тян! Что он такое говорит?

Но Коскэ и сам ничего не понимал.

– Потом объясню! – Сатору потащил его за руку на улицу. – Я взял эту книгу в школьной библиотеке. Там отец тоже набросился на сына из-за того, что тот подобрал бездомного щенка, и велел отнести щенка обратно, но мальчик не мог выкинуть щенка и ушел из дома. В итоге отец отправился искать его среди ночи и разрешил оставить щенка, при условии что мальчик будет сам ухаживать за ним. – Взмолвленной скороговоркой Сатору пересказал содержание. – Точь-